

0- 784459

На правах рукописи

Гашеев Виктор Валерьевич

**ДИНАМИКА РЕФЛЕКСАЦИИ АКАНЬЯ
В РУССКИХ ДЕЛОВЫХ ПАМЯТНИКАХ XVII–XVIII вв.**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Омск – 2010

**Работа выполнена на кафедре исторического языкознания
ГОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»**

Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент
Харламова Марина Александровна
ГОУ ВПО «Омский государственный
университет им. Ф.М. Достоевского»

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Попов Михаил Борисович
ФГОУ ВПО «Санкт-Петербургский
государственный университет»

кандидат филологических наук, доцент
Курулёнок Андрей Александрович
Куйбышевский филиал ГОУ ВПО
«Новосибирский государственный
педагогический университет»

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Казанский государственный
университет им. В.И. Ульянова-Ленина»

Защита состоится «22» июня 2010 года в 16.00 на заседании объеди-
нённого совета по защите докторских и кандидатских диссертаций ДМ
212.179.02 при Омском государственном университете им. Ф.М. Достоев-
ского по адресу: 644077, г. Омск, ул. Нефтезаводская, д. 11.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО
«Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»

Автореферат разослан «21» мая 2010 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000610406

Учёный секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Е.А. Никитина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемое диссертационное исследование посвящено проблемам развития аканья в русском языке XVII–XVIII веков и выполнено на материале памятников деловой переписки соответствующего периода.

Процесс генезиса и развития аканья, важнейшей отличительной черты вокалической системы русского литературного языка и значительной части русских народных говоров (в первую очередь южновеликорусских и средневеликорусских), уже довольно давно притягивает к себе внимание исследователей-лингвистов разного ранга и разных научных специализаций (прежде всего историков языка и диалектологов). Данному вопросу посвящен значительный круг исследований. Накоплен большой эмпирический материал, включающий данные сравнительно-исторического языкознания, диалектологии славянских и некоторых других языков, языковые факты, полученные при анализе памятников письменности разных исторических эпох.

Интерес к указанной проблеме не угас даже в результате известной смены научной парадигмы, которую наука о языке переживает на рубеже XX–XXI веков. Ведь известно, что своеобразной базой для «нового» (актуального в настоящее время), «антропоцентричного», «неогумбольдтианского» языкознания, с его «поворотом к человеку» в духе эпохи Возрождения, интересом к философским вопросам языка, к проблемам соотношения языка и мышления, языка и культуры, языка и национальной самобытности народа и многим другим подобным, служило, служит и, видимо, будет продолжать служить «старое» (не менее актуальное на текущий момент), «системно-структурное», «соссюрианское» языкознание.

Однако, несмотря на довольно основательную разработанность в отечественной и зарубежной науке вопроса о происхождении и развитии русского аканья, в его истории остаются некоторые моменты, требующие уточнения. Традиционно в фокусе внимания исследователей был процесс появления аканья. Соответственно, не столь подробно изучено развитие аканья в XVII–XVIII веках.

Учитывая особую значимость этой эпохи для истории русского языка, мы считаем, что этот вопрос требует новых исследований, в которых была бы прослежена судьба аканья в названный период. Особо важным в этом плане нам представляется изучение аканья в связи с проблемой формирования русского литературного языка на национальной основе. Разумеется, для наиболее полного исследования необходимо привлечь тот эмпирический материал, который до сих пор не был проанализирован достаточно тщательно. Необходимость изучения заявленной темы на материале памятников делового характера с привлечением для сравнения и уточнения

отдельных обнаруженных закономерностей памятников частной переписки и данных современных русских народных говоров важно для экспликации полной картины развития фонетической системы русского языка. Этим определяется актуальность темы диссертационного исследования.

Объектом исследования стала народно-разговорная речь, отраженная в памятниках деловой (а в ряде случаев и частной переписки) XVII–XVIII веков.

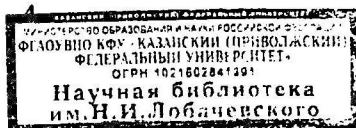
Предмет исследования составляет система безударных гласных фонем в памятниках деловой письменности и народно-разговорной речи XVII–XVIII веков.

Цель данного исследования – проследить историю развития аканья в русском языке XVII–XVIII веков на материале памятников деловой и частной переписки этого периода.

В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие задачи:

- 1) структурировать собранный эмпирический материал;
- 2) выяснить особенности отражения аканья на письме в исследованных памятниках;
- 3) на основании этого проанализировать особенности русского вокализма в указанный период;
- 4) на конкретном материале верифицировать существующие теории генезиса аканья;
- 5) рассмотреть взаимодействие различных факторов, главным образом, фонетико-фонологических, морфологических и собственно орфографических, влиявших на развитие вокализма XVII–XVIII веков;
- 6) сопоставить данные, полученные в результате исследования письменных памятников, с данными современной диалектологии и лингвистической географии;
- 7) проследить развитие обнаруженных закономерностей репрезентации аканья в русской орфографической традиции XIX–XXI веков;
- 8) уточнить динамику рефлексии аканья на письме.

Выбор основных методов исследования определялся необходимостью интегративного подхода к поставленной проблеме: нами использовались описательный, сопоставительный, сравнительно-исторический, структурный методы, метод оппозиций, разработанный Н.С. Трубецким, а также методы статистики для проведения необходимых подсчетов. Работа опирается на методику анализа орфографического строя текстов в его неразрывном соотношении с фонетической стороной русской народно-разговорной речи и особенностями фонологической организации русского языка, хорошо разработанную в трудах В.М. Маркова, С.И. Коткова, В.В. Колесова, Б.И. Осипова, М.В. Панова, М.Б. Попова, А.А. Шахматова, Ф.П. Филина.

Материалом для данной работы послужили памятники письменности XVII–XVIII веков, изданные профессором С.И. Котковым¹. При необходимости анализировались данные современной и исторической фонетики и фонологии русского языка, а также факты других восточнославянских языков – украинского и белорусского, имеющиеся в некоторых специальных исследованиях. Для сравнения и уточнения привлекались материалы этимологических, толковых, диалектологических, орфографических словарей. Изучено около шестисот опубликованных документов указанной эпохи, разнообразных в жанровом отношении: прежде всего, это различного рода деловые документы (сказки об имуществе, допросы, фрагменты судебных дел, челобитные, деловые письма и так далее), в качестве дополнительного материала рассматривались частные письма, записи песен того же периода, которые в совокупности отражают особенности речи разных социальных групп русского общества – дворян, крестьян, купцов, фабричных рабочих, мастеровых, священнослужителей.

Теоретическая значимость предпринятого исследования определяется тем, что в научный оборот вводятся новые данные, с помощью которых возможно уточнить ряд дискуссионных вопросов генезиса и развития аканья: например, гипотезу В.М. Маркова, Б.И. Осипова и ряда других исследователей о роли сонантов в развитии аканья с учетом ряда фонетико-фонологических и морфологических факторов; положение В.В. Колесова о старшинстве аканья по сравнению с яканьем. Результаты исследования имеют определенную ценность для исторической диалектологии и лингвистической географии русского языка, в частности, использование полученных нами данных может способствовать воссозданию достоверной картины относительной и абсолютной хронологии развития аканья и динамику рефлексации аканья на письме.

Практическая значимость работы связана с тем, что ее результаты могут быть использованы в исследованиях по истории и диалектологии русского и других славянских языков, при чтении лекционных курсов по исторической грамматике и диалектологии русского языка, а также специальных курсов, посвященных проблемам орфографии и региональной лингвистики, прежде всего, в историческом аспекте. Полученные нами сведения смогут найти применение в лингвокраеведческой работе, их можно использовать при сопоставительном изучении различных говоров русского языка (как в диахронии, так и в синхронии).

¹ Котков С.И., Панкратова Н.П. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII – начала XVIII века. М.: Наука, 1964. 312 с.; Памятники московской деловой письменности XVIII века / Под ред. С.И. Коткова. М.: Наука, 1981. 320 с.

Научная новизна настоящего диссертационного исследования заключается в определении локализации около ста документов, ранее не имевшей точной территориальной атрибуции, что дало возможность сравнить отразившуюся в них систему вокализма XVII–XVIII веков с ее современным состоянием. На конкретном материале выявлена зависимость письменной рефлексации аканья от комплекса орфографических, фонетико-фонологических, морфологических факторов. В диссертационном исследовании прослежена судьба обнаруженных закономерностей письменной манифестации аканья в орфографической традиции более позднего периода – XIX–XXI веков. Наиболее примечательные из обнаруженных закономерностей соотносены с фактами современных русских народных говоров (в том числе говоров территорий вторичного заселения) и рассмотрены в контексте орфографического узуса украинского и белорусского языков.

Апробацию данная работа прошла на Международной научной конференции «В.А. Богородицкий: научное наследие и современное языковедение» (Казань, 4–7 мая 2007 года), на Всероссийской научной конференции с международным участием «Язык. Человек. Ментальность. Культура» (Омск, 13–14 декабря 2007 года) и на Всероссийской научной конференции «Письменная культура народов России» (Омск, 19–21 ноября 2008 года). Работа обсуждалась на заседаниях кафедры исторического языкознания Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. Основные положения исследования нашли отражение в статьях, опубликованных за период подготовки работы.

На защиту выносятся следующие положения:

1) Отражение аканья на письме в XVII–XVIII веках зависело как от фонетических, так и от морфологических факторов. На достаточно большом материале можно проследить следующую зависимость: аканье последовательнее всего отражается там, где безударная гласная оказывается в определенных фонетических условиях (например, в соседстве с сонантами, в открытом слоге и так далее). При этом написания с аканьем, отражающие соответствующее произношение, реже встречаются в морфемах, имеющих важное словоизменительное или формообразовательное значение.

2) Проанализированные данные деловой и частной переписки являются важным источником для исторической диалектологии и лингвистической географии, а также для истории русского литературного языка, так как в них нашли отражение особенности живой диалектной речи и московского городского койне.

3) Наличие специфических местных языковых черт в памятнике (в частности репрезентация аканья), в значительной мере зависит от жанра документа и орфографической выучки автора, что связано с сохранением до конца XVIII века особой формульности как в деловой, так и в частной переписке.

4) Особенности вокализма среднерусских и владими́ро-поволжских говоров сложились не позднее XVII–XVIII веков. В пользу этого говорит то, что в грамотках, историко-лингвистическое исследование которых позволило с высокой степенью вероятности отнести их к тому или иному региону, наблюдаются те же типы аканья (или оканья), что и в настоящее время. В грамотках, написанных во Владимирской губернии, отразилось неполное оканье, а в документах из Подмоскoвья – недиссимилятивное аканье.

5) В части говоров яканье является инновацией по отношению к аканью, что, возможно, указывает на первоначальное развитие аканья после твердых, а не после мягких согласных.

6) Отмеченное в некоторых группах памятников преобладание случаев письменной фиксации аканья в заударном положении можно рассматривать как свидетельство в пользу того, что развитие аканья началось не с первого предударного слога, а именно с заударных слогов.

В структуру исследования входят введение, три главы, заключение и список использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В первой главе работы с опорой на труды Л.В. Бондарко, В.В. Колесова, В.Н. Немченко, Б.И. Осипова даются определения важнейшим для исследования понятиям (аканье, редукция, степень редукции), а также рассматривается вопрос о генезисе аканья.

В *параграфе 1.1* приводятся необходимые дефиниции релевантным для диссертации терминам и отмечается, что вопрос о динамике рефлексации аканья в деловой письменности XVII–XVIII веков следует рассматривать в широком круге вопросов, связанных с формированием особого типа безударного вокализма, называемым «русским аканьем». Причины, условия и конкретные механизмы возникновения аканья остаются до сих пор во многом дискуссионными. В работе вслед за русской научной традицией (С.В. Князев, Ф.П. Филин и многие другие) наиболее аргументированные концепции развития аканья объединяются (разумеется, с известной долей условности) в две большие группы – «редукционные» и «нередукционные». В диссертации уточняется, что родоначальником обоих направлений можно признать А.А. Шахматова, который, с одной стороны, видел причины генезиса аканья в начавшейся на определенном этапе развития общевосточно-славянского языка редукции безударных гласных, но с другой – относил время ее появления к дописьменной эпохе, что, по сути, является общим местом основных «нередукционных» теорий.

В *параграфе 1.2* указывается, что в концепциях Р.И. Аванесова, К.В. Горшковой, С.В. Князева, В.В. Колесова, В.М. Маркова, Б.И. Осипова,

Я. Риглера, В.Г. Руделева, А.А. Шахматова и других ученых, придерживающихся «редукционных» взглядов на истоки аканья, феномен рассмотрен как результат редукции гласных, которая возникла вследствие определенных просодических изменений (мена типа ударения и последовавшее за ней изменение ритмической структуры слова и так далее). Кроме того, как правило, признается, что на фонологическом уровне генезис аканья был сопряжен с исключением в известную эпоху развития русского языка из числа дифференциальных признаков гласных признака «напряженности – ненапряженности». Очевидно, что с типологической точки зрения важную роль в формировании аканья сыграло увеличение роли консонантной системы на фонетико-фонологическом уровне русского языка (И.А. Бодуэн де Куртенэ, А.В. Исаченко, М.В. Панов). Известный закон Бодуэна – Панова (так назвал его Л.Л. Касаткин) постулирует, что вокалическая система в русском языке постепенно сворачивается, а консонантная разворачивается, что вполне коррелирует со знаменитым принципом экономии, выдвинутым А. Мартине. Существует мнение, что определенную роль в развитии аканья, в части влияния на появление особого типа редукции гласных, мог сыграть финно-угорский или балтский субстраты (П.С. Кузнецов, М.И. Лекомцева, В.И. Лыткин, В.И. Собинникова, В.Н. Чекман).

В *параграфе 1.3* отмечается, что «нередукционные» теории генезиса аканья (А. Вайан, В.И. Георгиев, Ф.П. Филин, В.А. Маслова) связывают его появление с развитием корреляции гласных **ā // *ã*, существовавшей в системе вокализма позднего праславянского языка. По мнению названных ученых, один из путей преобразования данной корреляции заключался в том, что **ā* лабиализовалась в **o* почти во всех позициях под ударением, после чего **ã* сократилась из-за последующей дефонологизации дифференциального признака гласных «долгота — краткость», что привело к появлению «акающего» и «окающего» типов вокализма еще до создания славянской письменности. Указывается, что академик О.Н. Трубачев к вопросу о генезисе аканья подходил с позиций панхронии, отмечая типологическую близость между южновеликорусским аканьем и унификацией древнего индонранского вокализма.

В *параграфе 1.4* показано, что «редукционные» теории аканья находят подтверждение не только в фактах истории русского языка, но и в ряде явлений и закономерностей синхронического характера. Многочисленные исследования, в том числе и экспериментальные, проведенные на материале литературной, диалектной, просторечной фонетики (труды Е.Ф. Васеко, Л.Л. Васильева, Л.В. Бондарко, С.А. Игнатенко, Л.Л. Касаткина, Р.Ф. Касаткиной (Пауфошмы), С.В. Князева, В.В. Колесова, М.А. Курниковой (Харламовой), М.В. Панова, Б.И. Осипова, В.Н. Сидорова, В.Н. Телловой, А.А. Шахматова, Л.В. Щербы) показали, что аканье начало развиваться в

русских говорах только после падения редуцированных и что процесс этот в ряде диалектов, например на территориях позднего заселения, продолжается и в настоящее время. Выявлена тенденция к уменьшению напряженности артикуляции русских гласных (особенно в заударных слогах), что тоже хорошо согласуется с основными положениями «редукционных теорий», в частности с тезисом В.В. Колесова, считающего, что аканье первоначально развивалось не в позиции первого предударного слога. Вместе с тем, представляется, что до сих пор дискуссионными вопросами продолжают оставаться время возникновения аканья, его относительная и абсолютная хронология, территория, на которой первоначально возникло аканье, старшинство различных типов аканья и некоторые другие.

В исследованиях Л.П. Батыревой, Е.В. Ковриго, В.М. Маркова, Б.И. Осипова, Ю.А. Снегирева, Е.Б. Сухоцкой на материале как современной разговорной речи, так и письменных памятников XVII–XVIII веков намечено несколько перспективных идей, не получивших до сих пор должного развития. Совершенно недостаточно проработаны вопросы динамики письменной рефлексии аканья, а также аспекты возможного влияния на развитие аканья (или, по крайней мере, его рефлексацию на письме) ряда как фонетических, так и нефонетических факторов, среди которых важнейшими представляются следующие: особая роль сонантов, взаимодействие явлений морфологической, стилистической и собственно орфографической природы.

Предполагается, что анализ в плане заявленной темы довольно большого массива конкретного материала, в частности памятников русской деловой письменности XVII–XVIII веков, и сопоставление полученных сведений с известными фактами орфографии, диалектной речи, частной переписки позволят получить новые данные для верификации концепций генезиса аканья, а также предоставят возможность пролить свет на отдельные аспекты письменной рефлексии аканья в ее динамике.

Во второй главе анализируются особенности отражения аканья в разножанровых памятниках деловой письменности.

В *параграфе 2.1* отмечается, что проведенная исследовательская работа по территориальной атрибуции документов позволила соотнести зафиксированное в них состояние вокалической системы с конкретными диалектными ареалами, которые начинали или продолжали формироваться в период XVII–XVIII веков, в первую очередь средневеликорусскими, Владимир-Поволжскими говорами и московским городским койне.

В *параграфе 2.2* на примере грамоток, написанных крестьянами бывшей Владимирской губернии, которые представляют собой отчеты помещикам о ведении хозяйства или различных торгово-финансовых операциях, сделан вывод, что параллельное существование в говоре функцио-

нально равнозначных вариантов одних и тех же морфем могло привести к ослаблению противопоставления <о> ~ <а> в некоторых позициях, что могло явиться серьезным фактором, повлиявшим на развитие вокализма.

Единичные написания безударной приставки *раз-* (с нами *разделить*), при значительно более частотных (примерно, в пять раз) написаниях *роз-* (не *розделишь*) в указанной фонетической позиции, которые иногда встречаются параллельно даже в пределах одного документа, можно интерпретировать не только как проявление известного плюрализма орфографических норм (взаимодействия собственно русской и старославянской традиций), но и как письменную фиксацию акающего произношения. В пользу этого свидетельствует наличие приставки *раз-* именно в безударном положении, т. е. именно в таком фонетическом контексте, который наиболее вероятен для проявления рефлексов аканья.

Указанная закономерность отмечается не только в приставках. В грамотках этой же группы изредка встречаются написания р.п. ед.ч. м. и ср. р. прилагательных с окончанием *-аго*: с *мужескаго полѣ* при подавляющем количестве фиксаций формы *-ого*: *мужескаго полѣ*. Появление в грамотках форм на *-аго* можно объяснить влиянием старославянского орфографического узуса. Однако фонетический контекст и то, что *-аго* репрезентируется в словах, не относящихся к специфически церковным, обозначающих обычные бытовые реалии, позволяют сделать аргументированное предположение, что в данном случае мы имеем дело именно с фактами письменной фиксации аканья. Особо доказательным представляется написание *-ого* в ударных флексиях (*свиного*, *льняного*), ведь буквальное следование старославянской орфографической традиции требовало бы *-аго* во всех случаях.

Отмеченная особенность позднее нашла своеобразное отражение в дореволюционных грамматических и орфографических пособиях. М.В. Ломоносов, в частности, рекомендовал использовать *-ого* при образовании р.п. ед.ч. мужского и среднего родов у, по его терминологии, «прошедших неопределенных страдательных причастий», произведенных от «новых российских глаголов». А.А. Барсов, отмечая господство *-аго* в современной ему орфографии, говорит, что *-ого* некогда писали «особливо в указах и приказных делах». В числе исключений он называл прилагательные (sic!) *какого*, *такого*, *иного* по причине наличия у них ударения на предпоследнем слоге. В известных рекомендациях Я.К. Грота по правописанию предлагалось в р.п. мн.ч. у прилагательных м.р. писать *-аго* только тогда, когда в им.п. ед.ч. окончание было безударным.

Дополнительным косвенным свидетельством в пользу того, что фиксация *-аго* в безударном положении связана с развитием аканья, мы считаем наличие форм *битова масла*, *денежнаго оброку*, *старова оброку* на фоне написаний типа *свиного мяса*. Появление форм первого рода обычно объяс-

няют аналогией с притяжательными прилагательными, однако, как представляется, в данном случае нельзя не учитывать не только морфологический, но и фонетический фактор, а точнее, их сложное и не всегда однозначно трактуемое взаимодействие.

В аспекте взаимодействия фонетических и морфологических факторов в работе рассмотрено наличие параллельных форм им.п. мн.ч. существительных типа *крстьяня, крстьяни* и *крстьяне*. По нашему мнению, они не только являются иллюстрацией процесса унификации типов склонений, но и демонстрируют сближение $\langle a \rangle \sim \langle i \rangle \sim \langle e \rangle$ в конкретной фонетической позиции (в конечном заударном слоге), обусловленное морфологически. Вообще говоря, фонетическая трактовка тех или иных написаний, имеющих в памятниках, зачастую невозможна вне связи с явлениями морфологического порядка. Так, форма *к вам гсдрем* может быть понята как закономерное продолжение древнерусской формы д.п. мн.ч. существительных **jo*-склонения *государкѣмъ*, но в принципе может интерпретироваться как отражение заударного еканья в новой для существительных этого типа склонения флексии *-ям*.

Представляется, что решение указанного вопроса в случаях, подобных приведенному, снова связано с рассмотрением взаимодействия фонетического и морфологического факторов. Такой же подход полагаем верным и при анализе одиночного написания в им. п. ед. ч. существительного *крстьянишка* с «женским» окончанием при полном преобладании форм с «мужской» флексией типа *старостишко*: *Гсдрю Андрѣю Микитичю крстьянишка твое дрвни Песков старостишко Івашко Лукоянов выборные і всѣ крстьянишка* (им.п. мн.ч. – В.Г.) *челом буют...* Неслучайным нам представляется не раз отмеченный исследователями факт: современное распределение обсуждаемых форм в русских народных говорах в общих чертах совпадает с границами распространения оканья и аканья: в окающих севернорусских чаще употребляется окончание *-о*, в акающих средне- и южновеликорусских говорах преимущественно наблюдается *-а*. Находим вполне закономерным, что в современном украинском литературном языке, не знающем аканья, сохранилась флексия *-о*: *батько, Дніпро, Михайло*. Заметим также, что позднее в русском правописании для слов с суффиксом *-ишко* оформилось правило, кодифицированное Я.К. Гротом, согласно которому *а* пишется во флексии им. ед. одушевленных существительных, а *о* – у неодушевленных. Составители современных орфографических правил также делают специальные пояснения по правописанию указанных групп слов, которые в общем совпадают с дореволюционными рекомендациями.

Ослабление противопоставления $\langle o \rangle \sim \langle a \rangle$ в безударном положении наглядно демонстрирует процесс орфографического освоения слов, которые применительно к анализируемому периоду следует квалифицировать

как недавние заимствования: *салдата, шт правинцаи, правинскої канцелярии*. Наличие в указанных словах <a> в первом предупредном слоге вместо этимологически верного <o>, что отражено на письме, может быть применительно к говору, существовавшему во Владимирской губернии на рубеже XVII–XVIII веков, объяснено заимствованием (скорее всего, устным, но, возможно, и письменным путем) форм с *a* из акающего говора Москвы – политического, административного и культурного центра страны. Поскольку анализируемые слова называют понятия государственно-правовой сферы, логично предположить, что их первоначальное освоение и дальнейшее распространение должно было происходить через койне именно такого города. Однако совершенно исключить возможность развития аканья в данном говоре на Владимирщине, видимо, не представляется возможным.

Особого внимания заслуживает передача имен собственных греческого или латинского происхождения с начальным <a> в языке-источнике. Как известно, на восточнославянской почве (в отличие от южнославянской, в частности от старославянского языка) они первоначально получали огласовку с <o> в анлауте. В материале имеются примеры написаний, соответствующих обеим огласовкам. В их распределении можно усмотреть зависимость от нескольких факторов, ведущим из которых является функционально-стилистический: начальное *o* находим в этикетных уничижительных формах: *на Ондрюшке Медведенке, на Ортюшкѣ Тимоѣеве, Оѡнька Степановъ*; начальное *a* встречается преимущественно в фамилиях ввиду их особой социальной значимости, и в отчествах, что также соответствует особой социальной маркированности этих антропонимов в тогдашнем обществе: *Мишка Андреевъ, Петръ Андрѣевич, с Петром Аѡанасевым, Василъ Алеѣиева, Алеѣѣя Степанова, на Івашкѣ Архипове*.

Конечно, стоит поставить вопрос, является ли обнаруженная закономерность, определяющая выбор того или иного написания, отражением разного произношения или она представляет собой некий орфографический эффект. Думается, что применительно к нашему материалу наиболее вероятен последний вариант. В анализируемых случаях в пределах одной морфемы (в данном случае корневой: ср. *Ондрюшке* и *Андрѣя*) противопоставление в безударном положении <o> ~ <a> лишено фонологической нагрузки. Поэтому в говоре, начавшем развивать аканье (а исследуемый говор относится, видимо, к таким), подобные формы совпали бы в первую очередь. Интересно, что современный украинский язык, в котором безударные гласные не подвергаются качественной редукции, сохраняет именно формы с начальным *o*: *Овдій, Обрам*; в русском и белорусском, где аканье развилось, закрепились формы с *a*.

На примере Владимирских грамоток можно проследить зависимость рефлексации аканья от степени орфографической выучки автора. Ряд гра-

моток выделяются тем, что примеров фиксации аканья в них нет, это, в свою очередь, видимо, обусловлено хорошей «квалификацией» писца, о чем говорит четкое соблюдение на письме позиционного распределения букв *о* / *ш*. Буква *ш* последовательно употребляется в неприкрытом слоге (в абсолютном начале фонетического слова или перед другой гласной буквой), *о* же пишется в прикрытом слоге: *ш работниках, с Родионом Кириловым, ит вас, ишмнатцет аришин, не по идин год, иного, иклад, ибморная* ('обмеренная') *земля, исталая* ('оставшаяся') *земля, итреди, по ишми гривень, семидесять с осми дшъ*.

Наши данные свидетельствуют, что важной особенностью орфографии документов, написанных во Владимирской губернии, является слабое отражение аканья в первом предударном слоге, что позволяет поставить под сомнение тезис о том, что аканье первоначально развилось именно в этой позиции. В материале мы находим всего несколько бесспорных примеров отражения аканья в первом предударном слоге (даже с учетом новозаимствованных слов), причем преимущественно в именах собственных: *в Воладимерѣ, Барисевъне*. Сюда же следует отнести случай написания названия деревни *Писки* (с учетом имеющейся формы *Пески*).

Напротив, в заударном положении (особенно после твердых согласных) имеется заметно больше случаев письменной фиксации аканья: *битова масла, денежнава оброку, старова оброку, про советнае писмо, така ж*. О возможном наличии сильной качественной редукции в данном фонетическом контексте свидетельствуют следующие примеры: *дрвни Лавровы крстьянишка* (надо полагать здесь форму *Лаврово* или *Лавровой*), а также, с известными оговорками, *ит правинцаи*. Примеры, репрезентирующие мену <е> и <а>, находим только в заударном слоге, причем они явно лексикализированы: *дваццет сем алтънъ, тритцет курят, тритцет алтын, ишмнатцет аришин*. При этом примеров, отражающих изменение безударных гласных после мягких согласных в заударных слогах, в грамотках не отмечено.

Представляется, что в отдельных случаях на основании орфографических особенностей передачи безударных гласных можно говорить о репрезентации происходившего в говоре изменения слоговой структуры. Особенно показательно в этом плане написание *того ж броку* (= *оброку*). Его следует рассмотреть как одно фонетическое слово, но с двумя ударениями: основным – *брóку* – и второстепенным – *тогò*. Утрата так называемого *сильного примыкания* вызвала изменение границ слогораздела внутри фонетического слова: *to-vòž-ob-ró-ku* → *to-vòž-o-bró-ku*. Следовательно, рассматриваемый гласный оказался фактически не в первом предударном, а в заударном слоге, в котором имела сильная качественная редукция.

Таким образом, отмеченные черты безударного вокализма позволяют характеризовать говор как развивающий неполное оканье, то есть такой, в

котором намечена тенденция к утрате противопоставления <о> и <а> прежде всего в непервом предударном слоге. Такой вывод соответствует данным современной лингвистической географии. Ощутимое преобладание написаний, отражающих неразличение гласных фонем <о> и <а> именно в заударном положении, соотносится с мнением тех исследователей, которые считают, что аканье начало развиваться именно в этой позиции или, по крайней мере, не в позиции первого предударного слога.

В параграфе 2.3. анализируются грамотки, написанные в бывшем Алексинском уезде Тульской губернии. Отмечается, что в них последовательно отражаются позиционные изменения безударных гласных: соответственно, встречаем многочисленные примеры фиксации аканья: *да канца, оставилъ, над авцами, бадрских, верхавские, свекар, патакает, утак, капны, дамоі* и подобные. Также имеются случаи мены <е> и <а> *семѧ альленова (=ольянова), петдесят, петерых, десет*. Заударные слоги в говоре, очевидно, характеризовались сильной качественной редукцией гласных, причем, возможно, редукция была особенно ярко проявлялась в заударных слогах. Ср. написания с пропуском букв *Калюпанвкѧ' (=Калюпановку)*, а также со смешением <а> и <и> в заударном положении: *прикащикѧ' Івана Михайловичѧ' Пѧйкинѧ'.*

Поскольку для документов, по крайней мере, в части передачи безударных гласных характерен фонетический принцип орфографии, то следует обратить внимание на имеющиеся от него отступления.

В некоторых случаях анализ написаний, так или иначе связанных с проблемой фиксации аканья, позволяет уточнить акцентологические особенности говора. Последовательное сохранение корневого *о* в притяжательных местоимениях *своих, бес твоево приказѧ', твоих* с учетом написания *ис твоева дому* говорит о наличии в данном случае основного ударения у указанной группы слов.

Приставка и предлог *от* последовательно пишутся с *о* или *ѡ*, в том числе и в безударной позиции: *отдалъ, ѡтпѡстил, ѡт нево*. Последовательно сохраняют *о* и некоторые другие приставки и предлоги: *собралъ, побрали, покинулъ, погинутъ, про то дело*. Возможно, для части приведенных примеров этот факт объясним местом ударения, которое отличается от его положения в современном русском литературном языке. Однако для большинства написаний сохранение *о* следует объяснить хорошо известным диалектологам и историкам языка влиянием предшествующих лабиовелярных согласных, к которым исследователи относят губные, заднеязычные и глайды. Ср. также наличие *о* в других морфемах в сходных фонетических условиях: *жалоб, к Покравѧ', полосмины, к Москве, в городе*.

По данным лингвистической географии, современными особенностями безударного вокализма рассматриваемого ареала является недиссимилиативное аканье после твердых согласных, умеренное яканье (по типу t'atá, но

t'it'á) после мягких согласных вне зависимости от гласного ударного слога или даже иканье. Поскольку в анализируемом материале надежных примеров фиксации яканья не отмечено, а случаи фиксации еканья имеются, следует предположить, что в говоре яканье по отношению к еканью является инновацией. Также наши данные свидетельствуют, что совпадению неверных гласных в <і>, которое отмечается диалектологами на современном этапе, по крайней мере в позиции между мягких согласных, предшествовал этап совпадения их в <е>. При этом, возможно, первоначально данное совпадение происходило не в первом предударном слоге.

В параграфе 2.4 указывается, что свои особенности имеет рефлексия аканья в записях допросов мастеровых людей московской суконной фабрики Е. Болотина и в сказках об имуществе московских купцов и служилых людей. Указанные записи, очевидно, были сделаны довольно опытными писцами, которые в целом руководствовались морфологическим принципом орфографии (то есть они, как правило, не передавали на письме позиционные чередования фонем). Такая ориентация могла быть связана не только с уровнем «квалификации» писцов, но и с самими жанрами деловой переписки, предполагающими ориентацию на определенные образцы, словесные формулы, клише, на что ранее указывали В.В. Колесов и С.И. Котков.

В рассматриваемых материалах при явном преобладании нефонетических написаний в определенных позициях аканье все же отражено достаточно ярко. Прежде всего, это позиция первого предударного слога, где, как правило, нейтрализуемый гласный находится в слабой позиции и соседствует с сонантом: *У манетчика; в третьей каманде, Московской правинции, в домѣ камисара, пѣхотногѡ полкѡ салдат, салдацкой снѣ, до салдатства, Иваном евш завуть; скасал я Арешниковъ самѡю сѣцѡю правдѡ, снѣ Капешкинѣ, адиннатцать лѣтъ.*

Особый интерес представляют собой гиперкорректные написания, которые в основном приурочены к позиции первого предударного слога: *Босманной слободы кѣшець, за Орбацкие ворота, Ингермонландского пехотногѡ полкѡ, Иван до шестнатцѡти Яковѣ до девяти летѣ, декабря 16 дня.* Показательно, что и случаи «перестраховочного» написания наблюдаем, главным образом, в заимствованных словах, то есть тогда, когда писцы не могли проверить орфограмму путем сопоставления со словами, написание которых было бы им известно. Подобные примеры представляют собой, по меткому выражению Ф.П. Филина, типичные орфографические ошибки акальщика. В первом предударном и заударных слогах аканье в этой группе памятников отражено значительно менее ярко: *исабличен бѣдѡ, Василей Рогочев, Тихановъ сынѣ Жаваранковѣ.*

В параграфе 2.5 для сравнения рассматриваются частные письма из архива Челищевых. Все они адресованы в Москву Ф.М. Челищеву, в число

корреспондентов которого входят его братья, а также приказчики, старосты и изредка крестьяне.

В исследуемых памятниках аканье отражено достаточно хорошо, при этом можно выявить, что его отражение зависит от ряда фонетических и морфологических факторов, а также от их взаимодействия. Так, примеры аканья фиксируются во всех предупредных слогах, в заударном положении, однако преимущественно в морфемах, которые не играют существенной роли в словоизменении или формообразовании. Случаи аканья мы широко наблюдаем в корнях (*лошедей сваих, про твое многолетное здарове, по дво челавека; со многою дакукою, въсякого дабра тебѣ рад, Сергею Казлову, Бориса Гуравича Калемина, присылай из горада, гразит мнѣ батагами, брат тв[ой Ник]алай, по полутару, да в нѣм гсдрь во РП м гаду*) и некоторых в основном частотных суффиксах (*на старасту, грамотак, ит их плѣтаства, Пыльникова, моя придет редавая*).

Отметим частотность в данной группе памятников репрезентации аканья в неприкрытых слогах (прежде всего в абсолютном начале слова): на них приходится до 25 % случаев, причем какая-то особенная зависимость от места ударения в указанном случае не наблюдается. Это, думается, связано с особым положением, которое занимает указанная позиция в динамической структуре слова: *десять копень абмолотили; асталоса; асаднися; вес полкъ абѣзконел; або всем своем жите; авса всево твоево; себя аскудил; с полѣсаминоу четверьт*.

Отражение аканья нередко наблюдаются в предикатах с безличным значением и разного рода неизменяемых словах (например, наречиях): *стала гсдрь на Кочѣрах людна мн[о]га, промышляі неопл[о]шна, многа помещал, велена мне, да тебѣ ж братецъ ведома, у людєі твоих все здорови, я ваистинна рад, толка на меня в том тепер не покручиня*.

В приведенных примерах обращает на себя внимание и влияние нескольких фонетических факторов: прежде всего, это локализация интересующих нас орфограмм в заударных слогах, а также частое соседство нейтрализованного гласного с сонантами.

Особую группу примеров составляют гиперические написания, которые свидетельствуют о смешении <о> и <а>: *гсдрю Фодорѣ Моксимовичѣ холоть тв[ой] Ерошка Говрилов челом бтет, шол[ку] лозорезово доброво, иткозали, идин токову ж работѣ, пашни у Васи~~ла~~ Васи~~ла~~вича, про Говрила подлинного ведома нет, лошадей сваих продовать, пашинкѣ похат, токова себѣ бѣзчастья, нива ворять, нуть выделол да сожен пашни гсдрь Утропка взял на себя*. Заметим, что большинство указанных написаний наблюдаем там, где возможно усмотреть явление морфологизации (в терминах И.А. Бодуэна де Куртенэ и В.А. Богородицкого), то есть, по В.М. Маркову, как бы появление квазиморфем в непроеизводных, а в нашем случае и

некоторых производных словах. Наличие достаточно устойчивых гиперических написаний типа *ко, по, то, во, со, до* объяснимо влиянием орфографического облика соответствующих предлогов.

Немногочисленные примеры, репрезентирующие развитие еканья (*двор с ребетишками, да ечменю гсдрь четверть, десеть копень, деветь четвертей, петнацет риблевъ, того мне обевит тепер нелся, лошедей живодини иттими́т и вас ограбет*), могут свидетельствовать о том, что в говоре только начался процесс конвергенции <a> и <e> в безударных слогах.

Обнаружено несколько примеров, которые могут быть интерпретированы как проявление иканья, то есть совпадения неверхних гласных в безударном положении после мягких согласных в <ѣ>: *на старостѣ твои-во, не с ким дому твоево беречь, а мнѣ платит нѣчимъ, на Харлапѣ Афнасьива*. Не все примеры надежны: в случае *не с ким дому* и *а мнѣ платит нѣчимъ* возможно усмотреть влияние старославянского, а точнее, церковнославянского орфографического узуса.

В третьей главе обобщается накопленный материал по письменным памятникам московской и подмосковной локализаций, демонстрирующий особенности рефлексии аканья в заударных слогах. При рассмотрении вопросов генезиса аканья исследователи преимущественно маркируют позицию первого предударного слога, тогда как есть все основания предполагать, что первоначально аканье развилось именно в заударных слогах. Полагаем, что особое внимание именно к случаям фиксации аканья в данном фонетическом контексте может быть оправдано еще и потому, что при таком подходе легче всего определить возможное влияние на репрезентацию аканья факторов морфологического порядка.

В *параграфе 3.1* отмечается, что в трудах Л.П. Батыревой, Е.В. Ковриго, В.М. Маркова, Б.И. Осипова, Ю.А. Снегирева, Е.Б. Сухоцкой, выполненных на материале памятников письменности XV–XVIII веков, обнаружены следующие закономерности, которые находят подтверждение и в материалах настоящего исследования:

1) в основах слов в тех положениях, которые не затрагивают парадигмы словоизменения, редукция фонемы <a> и фонемы <e> после мягких идет по схеме <a> → <e> → <ѣ>;

2) в окончаниях и некоторых суффиксах, так или иначе связанных с формообразованием, редукция побеждает лишь в наиболее благоприятных для ее развития условиях – прежде всего между мягких согласных;

3) в остальных случаях развитие форм склонения определяется аналогией с твердой разновидностью, так что фонема <a> после мягких не только не замещается фонемой <e> и далее <ѣ>, но и появляется на месте исторической <e>, если в соответствующем окончании твердой разновидности имеем <a> (под ударением – <a> или <o>);

4) прослеживается тенденция к более частотной фиксации аканья в заударной позиции, что, видимо, следует объяснить особой фонетической краткостью заударных слогов;

5) вместе с тем к XVIII веку морфологический принцип становится ведущим принципом русской орфографии, соответственно уменьшается количество случаев письменной фиксации аканья.

В параграфе 3.2 исследуются случаи репрезентации аканья в позиции после твердых согласных в закрытых и открытых слогах. Продemonстрировано, что аканье после твердых согласных достаточно ярко отражается в обоих фонетических контекстах.

В закрытом слоге находим следующие примеры: *в первом писме; славнай хлебопашецъ; надабнасть требует; трутъ и убытакъ; прапарцик; с последней почтай; горячка с лихараткаи; в великом страхе, распискавъ ваших; быть памещикам; с наступающим новым годамъ; ты пажала-валъ; Федар Яблочкавъ; с милостивымъ мимъ гсдремъ брадцамъ видна что с сердцам*. В открытом имеются следующие случаи *ибстоятелна аписывал; с Павловнаю и рабетишками; вашева хлеба; что касаетца да мужика Масенки акулавскава; дальнешаво убытку не нанесло; не имею веда-масти; господа сенатары; Гсдрю маему Ивану Ивановичю; поживет са мною в Акулаве; а естли штмъ взята так вазвратить; прашу накорна; долга в Марфине прабудить; очень многа; розгораецца, разрываецца сердца; вам сказано бутта лесь вырубленъ; однака жи палажиласа на миластъ ва-шу*. Довольно определенно прослеживается зависимость рефлексации аканья от соседства с сонантами. Видимо, редукция гласного при таком условии происходила сильнее: аканье репрезентируется даже в тех грамотках, в которых случаев фонетического написания немного.

Отсутствие написаний с *ы*, фиксирующих аканье, можно истолковать как отсутствие сильной качественной редукции, характерной для указанных позиций в современном русском литературном языке. Имеющиеся немногочисленные примеры (*как любил меня и жалывал и всѣ мене присоветывали*) объяснимы экспансией активного в данную эпоху суффикса *-ыва*, сыгравшего, как показывает В.В. Колесов, важную роль в формировании особенностей аспектуальности русского глагола. Сказанное позволяет заключить, что степени редукции непервых предударных слогов и первого предударного совпадали, то есть вторая ступень редукции (по известной формуле А.А. Потебни) еще не успела развиваться. Этим можно аргументировать мысль о том, что в рассматриваемых примерах репрезентировано начало процесса качественно-количественной редукции гласных. Известно, что во многих русских народных говорах на территории позднего заселения (например в некоторых диалектах Урала и Сибири) при переходе от окающей модели безударного вокализма к акающей первоначально не формиру-

ется различие между степенями редукции. При этом такие уральские говоры характеризуются так называемым «поджатым аканьем», а в подобных сибирских диалектах безударный *a* по качеству практически не отличается от ударного.

Обращает на себя внимание, что до 60 % случаев отражения *e* как *a* наблюдается после аффрикат и шипящих: *розгораецца, разрываецца сердца; дагнешаво убытку не нанесло; привезли к Москвѣ немцов, с милостивымъ мнѣмъ гсдремъ брадцямъ, видна что с сердцам, уступить мне не можете; нижасиши васъ пращу*. Эти факты соответствуют тем данным, которые получены С.И. Котковым на материале южновеликорусских говоров XVII века, что позволяет интерпретировать их как проявление влияния южновеликорусской системы вокализма на развитие аканья в Москве, что до сих пор является дискуссионным вопросом.

В параграфе 3.3 рассматриваются примеры рефлексии аканья в позиции после мягких согласных в заударных слогах.

В закрытых слогах мы имеем следующие примеры: *не совсем отсроинъ дворецъ; а о попугае очинь дурна говорят; ежесчасно тем занетъ; а больши всех проіскивают Арбузов; от вас писим никаких нет; и так братицъ тем кончу*. В открытых слогах находим следующие случаи фиксации изменения безударного вокализма после мягких согласных: *а имянно; я сегодне очень занемог; изволтя прислать писмо; нехарашо развя мне ево в шелашъ посадить; в скором времени; в нанетой дом; я помню вашева родитиля); пишитя вы ко мне видна что с сердцам; напрасно бабу мене стараю трогаитя; посѣно на добрых земляхъ*.

Прежде всего обращает на себя внимание достаточно яркое проявление иканья в закрытых слогах. Считается, что иканье – довольно редкое явление для московского говора XVIII века. Примеры его в исследованных текстах действительно не очень частотны и обнаруживают позиционную зависимость. Механизм этого представляется нам следующим образом. Тенденция замены яканья еканьем, а затем и иканьем может быть связана с тем, что дизные согласные ассимилируют следующий за ним гласный (приспособление гласных к согласным – одно из проявлений главенствующей роли консонантизма), который становится также дизным (приобретает переднюю артикуляцию). Также безударные гласные (особенно после мягких согласных) демонстрируют постепенную утрату противопоставления по подъему.

В московском койне, которое традиционно для этого периода определяется как екающее, видимо, происходило следующее: после мягких согласных без ударения гласный нижнего подъема <a> постепенно устранялся путем последовательной замены его на <e>, при этом <e> в отдельных позициях при благоприятных условиях мог уже в XVIII веке переходить в <i>. Такой благоприятной позицией первоначально являлось положение в

заударных закрытых слогах, что связано с особенно сильной редукцией гласных, которая в них наблюдается.

Таким образом, иканье первоначально могло появиться в примерах типа *от вас писим никаких нет и так братиць тем кончу*; затем в случаях вроде *я помню вашева родитиля*; и только потом на смену примерам типа *посѣно на добрых земляхъ, премирие до октября месеца* могли прийти написания типа **посеино, *месица*, в нашем материале не отмеченные.

В параграфе 3.4 специально анализируются рефлексия заударного аканья в зависимости от морфологических факторов.

Подтверждается частотность отражения аканья в корнях существительных и определенных суффиксах: *ин вырезовал выподак; сего месеца, и так братиць тем кончу, вы изчетали трутъ и убытак, я помню вашева родитиля; идалжите сколь в надабнасть мне; послан отнась по нѣе прапарщик Веревкин; надабнасть требует присудствия моего самого; поживет са мною в Акулаве; господа сенатары; абъ вашемъ здаровье не имею ведамасти; мелкие истарожнасти; палажсиласа на миласть ваиу и другие*.

Заударное аканье довольно последовательно отражается в частотных словообразовательных суффиксах (-ок-, -ец-, -тель-, -ость-, -ов-), которые не связаны тесно со словоизменением и формообразованием. При этом даже по приведенным немногим примерам можно сделать вывод о том, что в приставках, напротив, аканье отражаются не столь широко.

У имен существительных аканье отражается во флексиях слабо – примерно в 15 % от возможных случаев (*роззораецца розрывается сердца; привезли к Москвѣ немцов; я была бальна горячка с лихаратькаи; я паче расписавъ вашихъ славамъ верить хачу, как вы есть благородные люди; с последней почтай; я с Павловнаю и с рабетишками; с наступающимъ новымъ годамъ; деревень маих не иоставитъ и быть памещикам в них*). Причем примеры рефлексии, как правило, наблюдаются при определенных благоприятных фонетических условий, названных в предыдущих параграфах главы.

Полагаем, что этот факт можно объяснить следующим образом: флексии – это функционально значимые морфемы, соответственно их фонетическое изменение до известной степени ограничивается определенными морфологическими факторами. Судя по нашим материалам, аканье часто отражается там (в случае ориентированности орфографии памятника на морфологический принцип), где оно не может в значительной мере снизить опознаваемость морфемы. Морфологический строй русского языка к XVII–XVIII векам уже почти оформился, что накладывало своеобразную морфологическую «узду» на фонетические процессы.

Предположение о своеобразной морфологической «узде» можно аргументировать тем, что заударное аканье ярко отражается в разного рода неизменяемых словах (как знаменательных, так и полузнаменательных):

нехарашо развя мне ево в шелашь посадить; шбстоятелна аписывал; а о попугае очинь дурна говорят; вам сказано бутта лесъ вырубленъ; очень многа; прошу пакорна; нижащими васъ прошу; аднака жса палажилася на миласть вашу; долга в Марфине прабудить.

Редукционные процессы в области заударного вокализма в формообразующих и словоизменительных морфемах глаголов и различных отглагольных образований наблюдаются сравнительно редко – по нашим подсчетам всего в 8 % от возможных случаев: *пишѣтя вы ко мне; бабу мене старую трогаѣтя; изволѣтя прислать писмо; уступитъ мне не можете; в нанетой дом, не совсемъ отстроинъ дворецъ; посѣено на добрыхъ земляхъ; хто тебя станеть кушеть; не совсем отстроинъ дворецъ.*

Таким образом, можно заключить, что развитие заударного аканья в русском языке XVIII века накладывалось на относительно стабильную морфологическую систему русского языка данного периода, что проявляется в следующем: в памятниках письменности этой эпохи аканье отражается по преимуществу в тех случаях, где тому способствовали определенные фонетические условия. В иных случаях аканье актуализируется реже.

В кратком заключении сформулированы основные выводы исследования. Развитие аканья, или, по крайней мере, его отражение на письме, было обусловлено как фонетическими, так и морфологическими факторами:

1) аканье активно репрезентируется в соседстве с сонантами, а также после шипящих и аффрикат, причем обнаруживается тенденция к более последовательной, чем в других фонетических контекстах, фиксации аканья в заударных закрытых и заударных открытых конечных слогах;

2) морфемы, участвующие в словоизменении и формообразовании, проявляют тенденцию к сохранению стабильности экспонента; аканье чаще отражается в тех морфемах, которые не играют значительной морфологической роли (например в корнях полнозначительных слов, в частотных словообразовательных суффиксах), а также в неизменяемых словах;

3) во флексиях и формообразующих суффиксах (например у различных глагольных форм), которые являются морфемами с высокой функциональной нагрузкой, аканье отражается преимущественно тогда, когда есть для этого определенные благоприятные фонетические условия;

4) письменная фиксация аканья находится в определенной зависимости от жанра памятника и от орфографической «квалификации» его автора: например, аканье в грамотках, написанных профессиональными писцами, хорошо знакомыми с книжной орфографической традицией, отражается слабее, чем в документах, написанных другими корреспондентами – крестьянами, служилыми дворянами и так далее;

5) отмеченное в некоторых группах памятников преобладание случаев письменной фиксации аканья в заударном положении можно рассмат-

ривать как свидетельство в пользу того, что аканье представляет собой явление, связанное с редукцией гласных, и что развитие аканья, по крайней мере, в части говоров, началось в этой фонетической позиции, на основании чего возможно уточнить относительную хронологию появления различных типов аканья;

6) результаты нашего исследования подтверждают положение о полной победе аканья над оканьем в говоре Москвы в XVIII веке, можно утверждать, что некоторые особенности безударного вокализма, сохранившиеся до настоящего времени, в части говоров (например, средневеликорусских, находящиеся вблизи Москвы, и Владимиро-Поволжских) сформировались не позднее XVII–XVIII веков.

Основные положения диссертации нашли отражения в следующих публикациях:

1) Гашеев В.В. Отражение аканья в частной и деловой переписке XVII – XVIII веков // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2009. Вып. 4. С. 68–71 (в соавторстве с М.А. Харламовой);

2) Гашеев В.В. Некоторые графико-орфографические особенности крестьянских грамоток XVII–XVIII веков в свете проблемы развития аканья в русском языке // Вестник Омского университета. 2010. Вып. 2. С. 197–202;

3) Гашеев В.В. Развитие заударного аканья в памятниках московской деловой письменности XVIII века // В.А. Богородицкий: научное наследие и современное языковедение: труды и материалы Международной научной конференции (Казань, 4–7 мая 2007 года) / Казан. гос. ун-т; Ин-т языкознания РАН; Ин-т лингвист. исслед. РАН. / Под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. Казань: Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2007. Т. 1. С. 112–114. (в соавторстве с М.А. Харламовой);

4) Гашеев В.В. О некоторых особенностях отражения аканья в русском языке XVII века // Язык. Человек. Ментальность. Культура: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Ч. I. Омск: Омск. гос. ун-т. им. Ф.М. Достоевского. Изд-во «Вариант-Омск», 2008. С. 30–32;

5) Гашеев В.В. К истории развития аканья в XVIII веке (на материалах московской деловой письменности) // Письменная культура народов России: Материалы Всероссийской научной конференции 19–21 ноября 2008 г. / Под ред. Б.И. Осипова. Омск: Омск. гос. ун-т, 2008. С. 266–268.

Гашеев Виктор Валерьевич

**ДИНАМИКА РЕФЛЕКСАЦИИ АКАНЬЯ
В РУССКИХ ДЕЛОВЫХ ПАМЯТНИКАХ XVII–XVIII вв.**

Специальность 10.02.01 – русский язык

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук**

Подписано в печать 14.05.2010. Формат бумаги 60х84 1/16.

Печ. л. 1,5. Уч.-изд. л. 1,5. Тираж 100 экз. Заказ 180.

*Издательство Омского государственного университета
644077, г. Омск-77, пр. Мира, 55а*

